КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Февраля **№ 3.** 1878 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го.

Рѣчь въ торжественномъ собраніи кіевской духовной академіи 12-го декабря 1877 года.

(Окончаніе) [1].

Александру достался сильный соперникъ въ лицѣ Наполеона. Соперничество ихъ было неизбѣжно. Борьба съ Франціей навязывалась традиціями русской политики. Еще Екатерина задумала устроить коалиціи противъ французской революціи и послать Суворова бить французовъ, но не спѣшила исполненіемъ этого предпріятія. Павелъ быстрый и стремительный, врагъ революціи по принципу, дѣйствительно воевалъ противъ французовъ въ коалиціи съ австрійцами и англичанами, но въ концѣ концовъ разсорился съ своими союзниками.

Александръ самъ по себѣ ничего не имѣлъ противъ революціонныхъ началъ, но въ его время изъ Франціи гро-

---

[1]) См. № 1 и 2-й „кіев. епарх. вѣд.“.

зила Европѣ уже не революція. Изъ революціи выродился геніальный завоеватель, императоръ Франціи Наполеонъ, желавшій замѣнить право силою, захватить себѣ гегемонію надъ всею Европою и разсаживавшій своихъ родственниковъ на престолахъ сосѣднихъ государствъ. Россія представлялась единственнымъ противовѣсомъ противъ новаго Аттилы и императора, двигавшагося съ Запада на Востокъ во всеоружіи цивилизаціи и тѣхъ средствъ, какія давала она для войны. Чувство самосохраненія должно было заставить Александра приняться пособить тушить пожаръ, пока еще горѣлъ домъ сосѣда, а не загорался свой собственный, и это казалось тѣмъ нужнѣе, что на краю собственныхъ владѣній лежалъ горючій матеріалъ: мы разумѣемъ Польшу. Александръ точно ничего не имѣлъ противъ освобожденія Польши, но желалъ, чтобы свободу Польша получила изъ его рукъ, а не изъ чужихъ. Какъ бы то ни было, но Александръ выступилъ на борьбу съ Наполеономъ, сначала въ союзѣ съ Австріей, потомъ въ союзѣ съ Пруссіей, оба раза не удачно. За тѣмъ послѣдовало сближеніе между двумя императорами, на первыхъ порахъ вѣроятно искреннее, весьма выгодное для Россіи, но въ тоже время крайне непопулярное. Наполеонъ предлагалъ Россіи взять Финляндію, взять что угодно на Востокѣ, вызывался изгладить имя Польши даже изъ исторіи. Пригласивъ однажды къ обѣду русскаго флигель-адъютанта Романскаго, Наполеонъ сказалъ: «скажите вашему государю.... Свѣтъ какъ это яблоко, которое я держу въ рукѣ, мы можемъ разрѣзать его на двѣ части,—и каждый изъ насъ получитъ такову. Для этого намъ нужно быть союзниками и дѣло сдѣлаемъ». Но за дозволеніе получить половину міра Россія должна была идти на буксирѣ у французской политики. Въ этихъ отношеніяхъ было должно полагать очень много не-

возможнаго и унизительнаго, потому что чрезъ немного лѣтъ оба императора смертельно возненавидѣли другъ друга. Наполеонъ назвалъ Александра византійскимъ грекомъ и ринулъ въ Россію полумиліонную армію изъ Галловъ и съ ними двадесяти языкъ. Онъ прыбылъ воевать противъ Россіи всѣми средствами даже безчестными, не исключая фальшивыхъ ассигнацій. Александръ съ своей стороны заявилъ, что онъ скорѣе удалится въ Сибирь и отроститъ себѣ бороду по поясъ, нежели поддастся Наполеону. *Онъ или я; я или онъ, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ.* Въ ту тяжкую годину Александръ нашелъ въ своемъ народѣ столько преданности, любви и самоотверженія, больше чего не могъ ни ожидать, ни желать, ни требовать. Общій подъемъ народнаго духа помогъ государю выбросить враговъ изъ родной страны. На этомъ, по мнѣнію Кутузова, можно было бы и остановиться. Но раздраженіе противъ Наполеона было слишкомъ сильно, невозможность совмѣстнаго, съ нимъ царствованія—слишкомъ очевидна для Александра,—и онъ не усомнился стать во главѣ европейской коалиціи противъ Наполеона—и на этотъ разъ успѣшно, хотя не безъ труда, не безъ потерь, и не безъ колебаній счастія. *Въ Парижѣ русскіе отмстили честно пожаръ московскій.* Наполеонъ былъ низложенъ.

Таковъ внѣшній обликъ событій. Отмѣтимъ вліяніе ихъ на духъ Александра. Вамъ извѣстно, что неудачи въ жизни раздражаютъ, озлобляютъ; даже когда онѣ минуютъ, на душѣ остается отсадокъ горькаго чувства. Чтобъ не ходить далеко за примѣрами, припомнимъ хотя недавнія чувства, волновавшія русскихъ и болгаръ послѣ плевненскихъ неудачъ. У имп. Александра натура была нѣжная, нервная, чувствительная, а во время борьбы съ Наполеономъ ему приходи-

лось переносить отчаянные случаи положенія. Припомнимъ хоть напр., аустерлицкій разгромъ или пожаръ Москвы. Такія впечатлѣнія трудно переживаются и оставляютъ по себѣ тяжелые неизгладимые слѣды. Если открываются и болятъ раны физическія, то отчего же не болѣть и ранамъ душевнымъ! Это случилось и съ Александромъ. Уже послѣ аустерлицкаго побоища окружающіе государя замѣтили, что онъ сталъ суше, строже, взыскательнѣе. Тоже самое въ большей степени замѣтили всѣ по возвращеніи царя изъ Парижа. Благодушіе Александра помутилось. Его всегдашняя кротость и доброта не изчезли; но онѣ утратили свою свѣжесть и непосредственность, онѣ казались болѣе слѣдствіемъ самообладанія, чѣмъ непосредственнымъ изліяніемъ благостной природы. Но бывали времена, когда черныя тучи надвигались на душу государя и кроткій Александръ становился неузнаваемъ.

2) Наполеоновскія войны, особенно война 1812 г, грозила отечеству страшною опасностію. Россія должна была напрягать всѣ усилія, чтобы спастись отъ страшнаго завоевателя. Въ такое время было не до конституціи. Обыкновенно въ тяжелыя времена власть сосредоточивается въ однихъ рукахъ: припомнимъ римскихъ диктаторовъ. Въ 1812 г. народъ болѣе, чѣмъ когда нибудь держался за единаго самодержавнаго государя и жертвою такого настроенія общественнаго и народнаго мнѣнія сдѣлался бѣдный Сперанскій. Паденіе его, — по отзывамъ современниковъ, — было встрѣчено съ такимъ же восторгомъ, какъ выигранная побѣда или какъ избавленіе отъ величайшаго государственнаго злодѣя. А между тѣмъ этотъ человѣкъ искренно любилъ Россію и виноватъ былъ только въ томъ, что конституціоннымъ идеямъ, занимавшимъ государя, давалъ систематическое расположеніе.

Простившись съ Сперанскимъ, государь простился вмѣстѣ съ тѣмъ и съ своими конституціонными идеями, по крайней мѣрѣ съ приложеніемъ ихъ къ Россіи. Полнота самодержавной власти, сконцентрированной въ одних руках, нужна была ему сначала для борьбы съ Наполеономъ, а потомъ для того, чтобы имѣть сильный голосъ въ ареопагѣ европейской политики.

3) Наполеонъ былъ чадо тѣхъ идей, которыя создали французскую революцію. Онъ былъ императоръ не по преданію и наслѣдію, не Божію милостію, а своимъ дарованіемъ и народнымъ избраніемъ; низвергнувъ его, можно было поставить только старый порядокъ до революціи, призвать къ управленію только тѣхъ людей, которые ничему не научились и ничего не позабыли, Бурбоновъ, Деместра, и т. п. Такой результатъ былъ для Александра и несогласенъ съ его идеями раннихъ дней и неожиданъ, но онъ былъ неизбѣженъ. Реакція и реставрація—т. е. порядокъ вещей уже осужденный исторіею долженъ былъ замѣстить Наполеона во внѣшней политикѣ, а это въ свою очередь не могло не отразиться и въ внѣшней администраціи.

Наконецъ слѣдствіемъ Наполеоновскихъ войнъ былъ новый элементъ въ жизни Александра—это религіозность нѣсколько своеобразнаго характера.

Практическая религіозность, состоящая въ кроткомъ и братскомъ отношеніи къ людямъ, какъ чадамъ одного Отца небеснаго, никогда не была чужда душѣ Александра. Но тяжкія испытанія Наполеоновскихъ войнъ развили въ Александрѣ тотъ видъ религіозности, которую можно назвать *мистико-созерцательною*, которая имѣетъ исходнымъ пунктомъ полное сознаніе собственнаго безсилія и состоитъ въ перенесеніи мыслей, надеждъ, чувствованій и желаній,

въ тотъ невѣдомый и таинственный міръ, въ которомъ сосредоточены всѣ лучшія упованія христіанина, и къ которому путники жизни сей съ каждымъ днемъ приближаются. Усталой и измученной житейскою борьбою душѣ сродна и естественна подобная религіозность; какъ человѣка, она рекомендуетъ Александра какъ нельзя болѣе, но едва ли она могла-бы помочь правителю управиться со *злобою дня*, пройти благополучно сквозь рядъ отношеній, къ которымъ утраченъ уже всякій интересъ, едва ли могла бы дать охоту не только руководить общественною жизнію, но даже сдавать сколько-нибудь исправно текущія дѣла. Какъ-бы то нибыло, но съ 1812 г. Александръ вступилъ въ полосу мистико-созерцательной религіозности. Извѣстны его знаменитыя и такъ многократно цитованныя слова, обращенныя къ прусскому епископу Эйлерту: «искупленіе Россіи было моимъ собственнымъ искупленіемъ. Судъ Божій, совершившійся на ледяныхъ поляхъ Россіи, научилъ меня познать Бога, какъ открываетъ его намъ св. евангеліе».

Умиленіе, сознаніе своей грѣховности, любовь къ уединенію, къ молитвѣ, къ чтенію св. Писанія, трогательное смиреніе—сдѣлались съ тѣхъ поръ выдающимися чертами нравственной личности государя. Государь самъ любилъ читать Библію и посредствомъ библейскихъ обществъ заботился объ распространеніи ея въ народѣ. Какъ прежде государь любилъ входить въ интимныя сношенія съ Лагарпомъ и Парротомъ, представителями науки и общественной мысли, стоявшими вдали отъ придворныхъ отношеній, такъ теперь онъ искалъ удовлетворенія своимъ душевнымъ стремленіямъ въ сближеніи съ людьми духовной жизни. Есть преданіе, что въ самое тяжкое время 1812 года, государь призывалъ къ себѣ нѣкоего монаха Авеля, славившагося

даромъ пророчества, и монахъ успокоилъ государя предсказаніемъ о взятіи Парижа. Въ 1815 г. мы видимъ около государя экзальтированную госпожу Криденеръ, участіе которой въ актѣ свящ. союза отрицать невозможно. Мы видимъ, что государь бесѣдуетъ съ квакерами, молится съ ними, цѣлуетъ руки у ихъ старѣйшины. Мы видимъ, что государь посѣщаетъ схимниковъ кіевопечерскаго, александроневскаго, молится съ ними и вступаетъ въ духовную бесѣду и даже удостоиваетъ выслушивать извѣстнаго юрьевскаго архим. Фотія,—о которомъ одинъ изъ современныхъ русскихъ іерарховъ выразился такъ, что его развѣ слѣпой да графиня Орлова распознать не могутъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаются въ государѣ проявленія чрезвычайнаго смиренія. Слуга прихлопнулъ дверью палецъ государю. Государь сдѣлалъ строгое замѣчаніе. Но онъ не спокоенъ, ему кажется, что онъ обидѣлъ человѣка. И вотъ онъ идетъ просить прощенія у слуги и возвращается уже облегченный и успокоенный. Въ ноябрѣ 1824 г. въ Петербургѣ было страшное и опустошительное наводненіе. Едва вода стала спадать, Государь отправился въ Галерную. Страшная картина разрушенія предстала ему. Народъ обступилъ его съ воплями и рыданіями. «За наши грѣхи насъ караетъ Богъ!» сказалъ кто-то изъ толпы. *Нѣтъ, за мои!* отвѣчалъ Государь со слезами.

Вообще исторія послѣднихъ 10 лѣтъ жизни Александра представляетъ чрезвычайный интересъ для психолога. И ни одинъ человѣкъ съ сердцемъ не можетъ отказать въ сочувствіи этой душѣ нѣжной и кроткой до конца, истомленной житейскою борьбою и тоскующей по горнемъ отечествѣ. «Это самый честный человѣкъ, котораго я когда-либо зналъ» —отзывался объ Александрѣ одинъ изъ иностранныхъ

дипломатовъ, «онъ иногда поступаетъ неправильно, но намѣренія его всегда честны и благородны».

Историческая справедливость требуетъ сказать, что послѣднія десять лѣтъ царствованія Александра были довольно неудачны. Что же? будемъ ли негодовать на то, что силамъ человѣческимъ предѣлъ положенъ? будемъ ли роптать на то, что догорающая лампада свѣтитъ тусклымъ и колеблющимся блескомъ, — что послѣдніе лучи солнца не даютъ столько свѣта и теплоты, какъ полуденныя?

Ключемъ къ уразумѣнію внѣшней и внутренней политики Александра въ послѣднія 10 лѣтъ царствованія служитъ *актъ священнаго союза*, посему о немъ и слѣдуетъ сказать прежде всего нѣсколько словъ.

Въ 1815 г. Александръ стоялъ на высотѣ доступнаго человѣку величія, какъ побѣдитель Наполеона, освободитель Европы, другъ царей и народовъ, увѣнчанный отъ своего народа проименованіемъ *благословеннаго*. И тутъ видѣлся для него предѣлъ его поступательной дѣятельности. Дальше идти было некуда, по крайней мѣрѣ впередъ.

Тутъ онъ хотѣлъ поставить точку. Онъ былъ утомленъ, онъ былъ подавленъ массою пережитыхъ впечатлѣній; онъ хотѣлъ отдохнуть. Это утомленіе послѣ великихъ событій Наполеоновскихъ войнъ было не личнымъ только ощущеніемъ Александра. Оно имѣло отчасти основу въ духѣ времени. Много было тогда усталыхъ людей, доплывшихъ до реставраціи, какъ до желаннаго берега;—и всѣ они проникнуты были желаніемъ сохранить statu quo т. е реставрированный старый порядокъ и обезпечить его на вѣки

вѣчные отъ новыхъ революцій. Повторилось то, что всегда бывало въ заключеніе упорной и утомительной борьбы, когда чувствовалась необходимость отдохнуть, выработать какую нибудь формулу единенія, придти къ какому нибудь опредѣленному соглашенію. Усталые люди рѣшали дѣло разъ навсегда за себя и за своихъ потомковъ, забывая, что люди съ свѣжими силами быть можетъ и не захотятъ довольствоваться тѣмъ *докончаніемъ*, какое за нихъ уладили люди усталые.

Своеобразная религіозность, воцарившаяся въ духѣ Александра, придала этому *докончанію* форму такъ называемаго *священнаго союза* трехъ государей: римско-католическаго Франца, имп. австрійскаго, протестантскаго Вильгельма, короля прусскаго, и православнаго имп. Александра. Первая мысль о св. союзѣ возникла у имп. Александра еще въ 1813 г.

«Въ 1813 г.—говорилъ имп. Александръ прусскому епископу Эйлерту—когда мы несмотря на усилія и мужество нашихъ войскъ, были принуждены отступать, тогда мы,—король вашъ и я сознали, что только рука Всевышняго могла спасти Германію. Случилось однажды—мы шли съ королемъ рука объ руку одни безъ всякой свиты, погруженные въ думу о мрачной будущности. Внезапно возлюбленный другъ мой, прервавъ молчаніе, сказалъ: *станемъ продолжать борьбу, призвавъ Бога въ помощь, а когда Всевышній благословитъ наши усилія, сознаемся предъ лицемъ всего свѣта, что Ему лишь обязаны успѣхами.* Мы дали въ томъ слово другъ другу... Когда мы вступили въ Парижъ, король напомнилъ мнѣ о нашемъ намѣреніи, и тогда же благородный имп. Францъ, сочувствуя нашимъ видамъ и убѣжденіямъ, изъявилъ желаніе учавствовать

въ нихъ. Такимъ образомъ мысль о священномъ союзѣ возникшемъ въ годину скорби и унынія, была приведена въ исполненіе подъ вліяніемъ радостнаго восторга и признательности, и нашъ союзъ есть дѣло Божіе. Самъ Искупитель внушилъ намъ мысль и правила, нами объявленныя».

Самый же актъ *св. союза*, состоящій изъ трехъ пунктовъ, былъ подписанъ тремя государями въ день Воздвиженія креста Господня 1815 г. Александръ подписался последнимъ конечно по смиренію, но въ сущности онъ былъ главнымъ виновникомъ св. союза и быть можетъ единственнымъ человѣкомъ, исправно и безъ заднихъ мыслей въ него увѣровавшимъ. Актъ св. союза гласилъ, что монархи согласились: «какъ въ управленіи собственными подданными такъ и въ политическихъ отношеніяхъ руководствоваться заповѣдями св. евангелія... По сему положили: соединиться узами неразрывнаго братства и оказывать другъ другу во всякомъ случаѣ, во всякомъ мѣстѣ, взаимную помощь и доброжелательство; подданныхъ же своихъ считать какъ-бы членами одного семейства и управлять ими въ томъ же духѣ братства для охраненія вѣры, правды и мира»

Обнародованіе этого, какъ выражается Гервинусъ, *дипломатическаго апокалипсиса*, озадачило мыслящую Европу и въ тогдашней прессѣ можно встрѣтить выраженіе довольно серьезныхъ недоразумѣній.

Кто желаетъ достигнуть цѣли,—говорилось тогда между прочимъ,—тотъ долженъ имѣть въ рукахъ и потребныя для сего средства. Государи, сидя на высокихъ престолахъ и окруженные раболѣпными льстецами, могутъ пожалуй воображать себя земными богами, которымъ достаточно сказать только слово, чтобы всѣ обитатели земной

планеты приняли его за норму для своей дѣятельности. Но на самомъ дѣлѣ государи также чада своего вѣка и крайне ограничены въ средствахъ, чтобы своими взглядами и мнѣніями накладывать штемпель на взгляды и мнѣнія современниковъ. Да и можетъ ли кто-либо изъ нихъ сказать словами великаго Учителя, евангелію котораго они обѣщаются слѣдовать: *кто изъ васъ обличаетъ мя во грѣхъ?*

Не говоря уже о недостаточности средствъ, представлялась неяснопоставленною и цѣль свящ. союза. «Если—говорили—св. союзъ разсчитываетъ имѣть вліяніе на народы, то онъ долженъ быть популяренъ и общепонятенъ. Между тѣмъ спросите мужика, мѣщанина, ремесленника, купца, солдата и т. д.—думаетъ ли онъ, что, благодаря св. союзу, его положеніе существенно измѣнится къ лучшему. Онъ не пойметъ, о чемъ вы спрашиваете: онъ или улыбнется, или останется въ раздумьѣ. Спросите политика какой угодно партіи: видитъ ли онъ въ свящ. союзѣ гарантію европейскаго мира лѣтъ по крайней мѣрѣ на 10? Онъ сочтетъ васъ за полупомѣшаннаго. Спросите серьезнаго мыслителя: видитъ ли онъ въ свящ. союзѣ зарю царства Божія на землѣ? Въ отвѣтъ на это онъ укажетъ вамъ на неизбѣжныя волненія роковыхъ страстей и страстишекъ, на раболѣпство предъ сильными міра, и на то, что злыя сѣмена продолжаютъ расти своимъ порядкомъ. Обратитесь наконецъ къ г-жѣ Криденеръ, которая считается апостоломъ свящ. союза. Она представитъ въ качествѣ орудій благодати толпу полупомѣшанныхъ фанатиковъ, проворовавшихся попрошаекъ, истерично-мечтательныхъ дамъ—и только».

При такой неясности средствъ и цѣлей св. союза европейскіе скептики думали, что если не признать акта свящ. союза совершенно безсодержательнымъ, то остается

предположить, что подъ хорошими и священными словами скрываются какія либо не хорошія и своекорыстныя побужденія. Опытъ показалъ, что европейскіе скептики были не совсѣмъ неправы. Въ искусныхъ рукахъ Меттерниха св. союзъ дѣйствительно сдѣлался комплотомъ правительства противъ народа, орудіемъ для подавленія прорывавшихся то тамъ, то сямъ революцій и знаменемъ всякихъ полицейскихъ и цензурныхъ стѣсненій.

Можно представить себѣ весь трагизмъ положенія Александрова, когда онъ замѣтилъ, (а не могъ не замѣтить), что его дорогая и священная идея, вслѣдствіе неумолимой логики постепенно слагавшихся событій и отношеній, получаетъ такое непредвидѣнное и печальное примѣненіе и что вмѣсто царства Божія на землѣ устрояется царство цензуры и полиціи. Во имя начала священнаго союза Александръ на конгрессахъ Веронскомъ и лайбахскомъ, долженъ былъ утратить имя друга свободы народовъ, и затѣмъ во имя тѣхъ же началъ долженъ былъ сложа руки смотрѣть на возстаніе единовѣрныхъ грековъ, которое съ точки зрѣнія меттерниховской политики представлялись какъ нарушеніе statu quo, какъ бунтъ противъ законнаго государя, т. е. Султана. Какъ метеоръ потухъ свѣтлый ореолъ, дотолѣ окружавшій Александра въ общественномъ мнѣніи Европы, и старый Лагарпъ съ сокрушеніемъ сердечнымъ долженъ былъ написать слѣдующія строки: «до 1815 г. надежда моя видѣть въ Александрѣ благодѣтеля человѣчества исполнялась, но духъ злобы задержалъ славный ходъ, а веронскій циркуляръ 1822 года обнаруживаетъ почти реакцію».

Послѣдствія священнаго союза отразились не только во внѣшней, но и во внутренней политикѣ Россіи. Послѣ-

довательность требовала однообразія,—и къ сожалѣнію посредствомъ прискорбнаго смѣшенія понятій это однообразіе было достигнуто. Еще въ 1813 г. Сперанскій провидя задатки подозрительности въ характерѣ государя, писалъ изъ своего пермскаго сознанія: не попустите, всемилостивѣйшій государь, чтобы система ложныхъ страховъ и подозрѣній, система, коею, какъ я догадываюсь, ищутъ уловить вниманіе вашего величества, чтобъ система сія, всегда приводившая государей къ безславію, а государства къ бѣдствіямъ, восторжествовала надъ достоинствомъ моральнаго вашего характера, который одинъ, смѣю сказать, среди всѣхъ неустройствъ нашего правительства, доселѣ составлялъ отраду народа и надежду всѣхъ людей просвѣщенныхъ и благомыслящихъ. Одни мечтатели или люди коварные и властолюбивые могутъ видѣть въ народѣ самомъ кроткомъ и добродушномъ, въ подданныхъ, привыкшихъ повиноваться самой малѣйшей власти и вамъ, всемилостивѣйшій государь, дѣйствительно и лично преданныхъ,—могутъ въ семъ народѣ, въ мнѣніяхъ его и пустыхъ толкахъ неразумія или легкомыслія видѣть ропотъ, опасности, причины важныхъ подозрѣній. Ужасъ поражаетъ мое воображеніе, когда я помыслю о слѣдствіи сихъ внушеній». То, чего боялся Сперанскій, исполнилось. Съ одной стороны Меттернихъ, желая тѣснѣе связать образъ дѣйствій русскаго государя съ реакціонными видами австрійской политики, старался показать, якобы и въ самой Россіи находятся въ броженіи революціонные элементы и какой-нибудь ничтожной исторіи о безпорядкахъ въ семеновскомъ полку старался придать значеніе событія первостепенной важности. Съ другой стороны и въ самой Россіи не было недостатка въ людяхъ, подобныхъ Магницкому, которые небесными путями шествуя

къ земнымъ цѣлямъ, охотно заявляли себя ревнителями началъ *священнаго союза* и ожесточенными борцами противъ разрушительнаго духа времени. Такіе люди поняли, что теперь имѣется запросъ на нихъ и поспѣшили выступить впередъ съ тѣми самоувѣренно-развязными и задорными полемическими пріемами, какими всегда отличается реакція. Они начали обличать современную изгарь: для нихъ нужна была эта изгарь, чтобы представить резонъ своего собственнаго существованія. Чего должна была ожидать Россія отъ такихъ дѣятелей, показываетъ управленіе казанскимъ учебнымъ округамъ Магницкаго, который строилъ систему общественнаго воспитанія *на актѣ свящ. союза*. Для всѣхъ предметовъ университетскаго преподаванія выработана была нормальная программа въ библейско-консервативномъ духѣ. Конечно противъ этого трудно было высказаться. Но бѣда въ томъ, что какъ скоро былъ отлитъ стереотипъ науки, дальнѣйшая научная разработка становилась невозможною,— и первоначальная мысль Магницкаго о закрытіи университета представлялась весьма резонною. Попеченіе о благонравіи при Магницкомъ процвѣло до такой степени, что даже исключало собою возможность всякой другой дѣятельности. Цѣлая вереница инспектирующихъ и взаимно инспектируемыхъ лицъ наполняла университетъ и проводила все время въ требованіи мелочныхъ формальностей и въ взаимномъ контролированіи. Для насъ впрочемъ важно теперь обозначить вліяніе людей, подобныхъ Магницкому, на душевное настроеніе государя. Съ замѣчательною назойливостію пробиваясь къ престолу и повергая къ ногамъ государя *плодъ своего усердія къ церкви и царю*, *въ обыкновенномъ служебномъ порядкѣ не вмѣщающійся*, означенные лица докладывали государю, что-де «князь тьмы вѣка

сего распространяетъ разрушительныя ученія въ разныхъ концахъ Европы и составляетъ правильный, обширный и давно въ тайнѣ укоренившійся планъ и заговоръ *на Бога и царей*». Далѣе слѣдовало, разумѣется, изложеніе проэктовъ, какъ спасти Россію отъ такой напасти, съ выраженіемъ открытаго или затаеннаго желанія авторовъ приложить къ ихъ осуществленію свои честныя и умѣлыя руки. Подобныя внушенія производили свое вліяніе на впечатлительнаго государя, хотя быть можетъ не въ той степени какъ бы хотѣлось этого врагамъ князя тьмы.

Александръ становился все меланхоличнѣе, задумчивѣе и внимательнѣе. Онъ началъ уединяться, проводилъ значительную часть времени съ домашнимъ семействомъ, и рѣдко принималъ даже министровъ съ докладами. Главнымъ докладчикомъ государя и его fac-totum въ послѣдніе годы его царствованія сдѣлался *безъ лести преданный* графъ А. А. Аракчеевъ. Вигель даетъ такую характеристику этого временщика. «Употребляя съ пользою данную ему отъ природы суровость, Аракчеевъ давалъ преданности своей видъ какой-то откровенности и казался бульдогомъ, который, не смѣя никогда ласкаться къ господину, всегда готовъ напасть и загрызть тѣхъ, кои бы воспротивились его волѣ... Онъ умѣлъ увѣрить царя, что кромѣ двухъ боговъ, одного на небѣ, другаго на землѣ, онъ ничего не знаетъ и знать не хочетъ, имъ однимъ служитъ, имъ однимъ покланяется». Не смотря на свою неуклюжесть, Аракчеевъ, по выраженію Сперанскаго, былъ *ловкимъ царедворцемъ*. Въ эпоху религіознаго настроенія государя ловкій царедворецъ также восчувствовалъ проникновеніе благочестіемъ, которое повидимому не совсѣмъ согласовалось съ его черствою и холодною натурою. Письма Аракчеева къ государю переполнены, напр.,

такого рода обнаруженіемъ. «Къ одному всемогущему Богу обращаюсь ежеминутно съ молитвою, да подкрѣпитъ Его святая десница мое здоровье, которое не для чего иного не будетъ употреблено до конца моей жизни, какъ къ истинному и усердному служенію моему отцу, благодѣтелю и государю Александру Павловичу». «Я буду всегда просить Бога, дабы Онъ, Всевышній, увѣрилъ Васъ, батюшка, что нѣтъ въ мірѣ другаго человѣка, который бы болѣе меня былъ Вамъ преданъ». Но конечно не столько религіозность Аракчеева, сколько другія обстоятельства побудили государя приблизить его къ себѣ. Попавши въ полосу реакціи, государь чувствовалъ надобность употреблять крутыя и строгія мѣры, къ которымъ не способна была его кроткая и нѣжная природа. И вотъ на этотъ случай весьма пригоденъ былъ Аракчеевъ, который всякую строгую мѣру готовъ былъ провести со всевозможною охотою и исполнительностію.

Государь,—по уподобленію Вигеля,—былъ похожъ на господина, который наскучивъ самъ управлять имѣніемъ, сдалъ все на руки строгаго управителя, будучи увѣренъ, что при немъ крестьяне не избалуются. Если воспользоваться уподобленіемъ изъ басни Крылова, можно сравнять государя съ добрымъ Мирономъ, доступъ къ которому загражденъ злыми собаками.

Самымъ крупнымъ дѣломъ Аракчеевскаго управленія было *устройство военныхъ поселеній.* Мысль о нихъ возникла изъ самыхъ гуманныхъ и филантропическихъ побужденій государя. Разъ въ зимнее утро государь стоялъ у окна зимняго дворца и смотрѣлъ, какъ преображенскій караулъ возвращался изъ подъ арки главнаго штаба въ свои казармы. Былъ жестокій морозъ. Государь обратился къ Аракчееву съ словами: «всякій разъ, когда я смотрю

на моихъ гренадеръ, у меня сердце обливается кровію: какъ подумаю, сколько они въ походахъ испытали трудности, лишеній, опасности; походъ кончился, мы съ тобой отдыхаемъ, а ихъ служба въ мирное время едва ли не тягостнѣе, чѣмъ въ военное; какъ подумаю еще, что и по выходѣ въ отставку послѣ 25 лѣтней службы солдату некуда голову преклонить» и т. д. Аракчеевъ сказалъ: «В. В. надобно объ этомъ подумать, устроить ихъ бытъ къ лучшему» и упомянулъ о поселеніяхъ на австрійской военной границѣ. Государь отвѣчалъ: «устрой мнѣ это, Александръ Андреевичъ, ты доставишь мнѣ самое большое удовольствіе, я умру спокойно».—Но и на этотъ разъ случилось такъ, что гуманная мысль государя,—точно также какъ и идея священнаго союза,—послужила къ народному угнетенію. Идея о военныхъ поселеніяхъ состояла въ томъ, что войска, расквартированныя въ извѣстныхъ мѣстностяхъ имперіи, должны были комплектоваться и продовольствоваться на счетъ той мѣстности, гдѣ были водворены. Желѣзная рука Аракчеева съумѣла сдѣлать этотъ порядокъ и для гостей и для хозяевъ т. е. и для поселенныхъ солдатъ, и для военныхъ поселянъ не менѣе тяжелымъ, чѣмъ каторга. Для подтвержденія этого довольно припомнить, что смертность въ военныхъ поселеніяхъ доходила до 10%, что неоднократныя бунты въ военныхъ поселеніяхъ, не смотря на жестокую расправу, были ничѣмъ инымъ, какъ воплемъ отчаянія, и что наконецъ само правительство нашло себя вынужденнымъ признать негоднымъ и отмѣнить это дорого стоившее учрежденіе. Аракчеевъ конечно займетъ мѣсто въ русской исторіи и щедрою преміею за лучшее сочиненіе *о царствованіи Александра*, какъ будто онъ вознамѣрился обезпечить себѣ почетное мѣсто. Будемъ думать, что судъ исторіи бу-

детъ неподкупенъ; будемъ надѣяться, что въ слѣдующемъ поколѣніи русскихъ историковъ, явится новый Тацитъ, кототорый Аракчеева, не смотря на его премію, оцѣнитъ по достоинству.

Изъ всѣхъ либеральныхъ плановъ имп. Александра долѣе всѣхъ держалась его мысль о дарованіи Польшѣ конституціи и отдѣльнаго политическаго существованія. Не смотря на представленія не только русскихъ, какъ напр. Карамзина, но и иностранцевъ напр. Поццо-ди-Борго, графа Каподистріи Аордакестьра, государь настойчиво держался за эту мечту своей юности, навѣянную близкими сношеніями съ кн. Адамомъ Чарторыйскимъ. Мечта осуществилась, но плодъ ея былъ горекъ. Съ одной стороны поляки не хотѣли довольствоваться тою умѣренною долею свободы, какую предоставлялъ имъ благодушный императоръ и простирали свои требованія далѣе предѣловъ возможнаго и справедливаго,—съ другой стороны русскіе находили не сообразнымъ, чтобы народъ побѣжденный пользовался тѣми правами, какихъ неимѣлъ народъ побѣдитель. Однимъ словомъ: дарованіемъ Польшѣ конституціи государь неугодилъ ни той, ни другой націи. Это послѣднее разочарованіе было тѣмъ прискорбнѣе для государя, что грозило въ будущемъ новыми и почти безвыходными усложненіями и затрудненіями.

Это приводитъ насъ къ рѣчи о тайныхъ обществахъ, извѣстіе о которыхъ отравило послѣднія мѣсяцы и дни Александра. Насколько можемъ намѣтить эту исторію въ общихъ чертахъ, кажется дѣло было такъ: Либеральныя начинанія первыхъ временъ царствованія имп. Александра естественно развили въ людяхъ мыслящихъ вкусъ и охоту къ обсужденію социально-политическихъ вопросовъ, особенно тѣхъ, которые вызывались современными неудачами Россіи.

Наполеоновскія войны, заставившія русскихъ пройти отъ Москвы до Парижа, еще болѣе расширили кругозоръ русскихъ людей и дали много матеріала для политическихъ сужденій. До 1815 г. эти сужденія не заключали въ себѣ ничего преступнаго; русскіе мыслители—политики даже могли думать, что они подготовляютъ почву для дѣятельности правительства, тѣмъ болѣе что нѣкоторые изъ нихъ занимали довольно высокія мѣста въ служебной іерархіи. Но со времени свящ. союза всякія политическія сужденія должны были или совершенно умолкнуть, или развиться помимо вѣдома правительства. Случилось послѣднее: образовались тайныя общества политическаго характера и понятно, что въ эпоху Аракчеевщины и неудачно сложившейся польской конституціи настроеніе этихъ обществъ не могло быть благопріятнымъ для правительства. Государь впрочемъ зналъ о существованіи тайныхъ обществъ и не зналъ, что съ ними дѣлать. Государь не могъ не сознать, что главная вина или—лучше сказать—несчастіе тайныхъ обществъ состояло въ томъ, что онѣ явились слишкомъ поздно,—точно также, какъ книга Радищева при Екатеринѣ,—что они стояли въ дисгармоніи съ его тогдашнимъ настроеніемъ духа, не заключая въ себѣ существенныхъ противорѣчій съ его прежними убѣжденіями,—что наказывать членовъ тайныхъ обществъ—значило бы наказывать самаго Александра 1801-хъ годовъ. Такова была послѣдняя и одна изъ самыхъ крупныхъ коллизій, какими вообще была богата жизнь имп. Александра I-го.

Въ виду тяжкихъ усложненій своего положенія, государь не разъ обращался къ своей давней и любимой мысли о сложеніи императорскаго сана и о переходѣ въ жизнь

частнаго человѣка. Осуществленіе этой мысли замедлилось между прочимъ тѣмъ, что старшій по Александрѣ I-мъ братъ Константинъ Павловичъ ни по своему характеру, ни по своимъ семейнымъ обстоятельствамъ, не могъ быть его преемникомъ на императорскомъ тронѣ. Когда это обстоятельство окончательно выяснилось, имп. Александръ нашелъ возможнымъ совершить актъ престолонаслѣдія въ пользу слѣдующаго своего брата Николая Павловича, тѣмъ болѣе, что тотъ имѣлъ уже потомство въ лицѣ благополучно царствующаго нынѣ императора Александра Николаевича. Во время послѣдней поѣздки своей въ Крымъ въ октябрѣ 1825 года государь съ увѣренностію говорилъ уже о близкомъ переходѣ въ жизнь частнаго человѣка. Вмѣстѣ съ Волконскимъ занимаясь выборомъ мѣста для дворца въ Крыму и проэктомъ его постройки, Государь изъявлялъ желаніе, чтобы все было устроено какъ можно проще, чтобы переходъ къ частной жизни не былъ слишкомъ рѣзокъ. *И ты выдешь со мною въ отставку*, говорилъ онъ князю Волконскому, *и будешь у меня библіотекаремъ*. Вмѣстѣ съ мыслію о жизни частнаго человѣка проснулись въ Александрѣ его прежнія убѣжденія — слѣды уроковъ Лагарповыхъ. *Кто что ни говори*, — сказалъ императоръ, *я жилъ республиканцемъ и умру республиканцемъ*. Но Господь судилъ имп. Александру другую болѣе полную отставку. Въ Крыму государь заболѣлъ лихорадкою, превратившеюся вскорѣ въ тифозную горячку, и послѣ двух-недѣльной болѣзни 19-го ноября 1825 г. перешелъ въ тотъ лучшій міръ, гдѣ удобнѣе могутъ осуществиться въ своемъ истинномъ смыслѣ святыя начала *священнаго союза*, чѣмъ въ нашемъ мірѣ лжи, страстей и противорѣчій.

Да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ! говорилъ государь въ 1815 г.,—въ отвѣтъ на восторженный голосъ общерусскаго одобренія,—*да благословитъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я его благословляю въ моемъ сердцѣ!*

Благословляетъ тебя, великій Государь, твоя великая Россія и во имя Христа Спасителя нашего, Евангеліе котораго ты такъ усердно возлюбилъ, призываетъ на тебя блаженство, обѣщанное Господомъ *для кроткихъ и милостивыхъ, для чистыхъ сердцемъ, для алчущихъ и жаждущихъ правды*, ибо таковъ ты былъ воистинну. Были въ твоей жизни коллизіи и противорѣчія, но отъ нихъ прежде всего страдалъ ты самъ. Ты не видѣлъ осуществленія желаемаго тобою царствія Божія на землѣ. Но твоя жизнь прошла не безслѣдно для блага и нравственнаго величія Россіи и человѣчества!

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ДѢТСТВА.

Открытіе кіево-софійскаго духовнаго училища, и первые два года обученія.

Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія, по набережней днѣпровской было одно кіевское духовное училище, въ зданіи коего незадолго предъ симъ помѣщалась и духовная семинарія переведенная потомъ въ подворье петро-павловской церкви. Время отъ времени и для однихъ уѣздно-приходскихъ училищъ по многочисленности воспитанниковъ зданіе становилось тѣснымъ и чувствовалась потребность помѣститься въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, но гдѣ и какъ было неизвѣстно.

Спустя семь лѣтъ, время и обстоятельства удовлетворили таковой потребности. Въ 1837 г. по пріѣздѣ въ Кіевъ на паству въ Бозѣ почившаго митрополита Филарета при кіево-софійскомъ соборѣ оставались праздными два каменныхъ дома служившіе нѣкогда помѣщеніемъ достославныхъ его предшественниковъ, —Серапіона и Евгенія. Новый архипастырь избравшій для себя всегдашнее жительство въ печерской лаврѣ предположилъ для лѣтняго пребыванія при своей каѳедрѣ возобновить старый корпусъ, а оставшійся новый по смерти м. Евгенія обратить въ училище для дѣтей духовнаго званія подъ именемъ кіево-софійскаго духовнаго училища. Благая мысль архипастыря нашла поддержку въ лицѣ императора Николая I-го. Въ томъ же 1837 году почившій самодержецъ путешествуя по обширной своей Россіи посѣтилъ Кіевъ, и по выслушаніи литургіи въ софійскомъ соборѣ по случаю храмоваго праздника, благоволилъ совершить хожденіе вокругъ древнѣйшаго храма Ярославова. Когда для краткой литіи остановился святитель предъ средними дверями храма, то государь взглянувъ на лѣво сказалъ: какое величественное зданіе, въ немъ прилично быть какому либо учебному заведенію; высокопреосвященный отвѣчалъ: я желалъ бы учредить въ немъ духовный вертоградъ, на эти слова тогда же послѣдовало царское соизволеніе: и я согласенъ съ желаніемъ вашего преосвященства. Вотъ начало или предположеніе бывшаго переустройства евгеніевскаго корпуса въ кіево софійское духовное училище, коему теперь наступилъ сороковой годъ.

Время текло обычною чредою; для открывающагося училища назначенъ былъ комитетъ и спустя съ небольшимъ два года наступило и самое открытіе онаго въ такомъ порядкѣ.

Когда по внутреннему переустройству зданіе все было готово, изъ кіево-подольскаго училища правленіе семинаріи предположило отдѣлить для открывающагося училища около 200 человѣкъ и, назначивъ начальствующихъ и наставниковъ, вошло куда слѣдуетъ съ представленіемъ о назначеніи самого дня открытія. На докладѣ правленія архипастырь соизволилъ написать: открыть кіево-софійское училище 29 октября въ воскресенье при участіи начальства кіево-подольскаго училища. По окончаніи означеннаго числа литургіи въ софійскомъ соборѣ и послѣ молебна съ водосвятіемъ въ училищной залѣ, одинъ изъ бывшихъ питомцевъ [1]) произнесъ слѣдующую рѣчь: «Вотъ мы вступили наконецъ въ твои отеческія сѣни нашъ добрый благостный отецъ, нашъ благодѣтель, ангелъ, геній. Знаемъ, сладко намъ подъ кровомъ крылъ твоихъ здѣсь будетъ,—любовь твоя къ твоимъ дѣтямъ ихъ не покинетъ, не забудетъ. О нашъ отецъ, чтожъ намъ воздать за всѣ твои о насъ заботы? Языкъ нашъ слабъ, ему ль сказать сколь глубоко вотъ здѣсь въ умѣ, и здѣсь на сердцѣ юномъ начертаны живутъ онѣ и тамъ останутся вѣчно. Свидѣтель Богъ, любовь къ тебѣ на вѣкъ въ твоихъ пребудетъ чадахъ, и тамъ не только на землѣ, твою благословимъ мы память».

По окончаніи рѣчи всѣ учащіе и учащіеся приложились къ святому кресту, окроплены освященною водою, а виновникъ торжества высокопреосвященный митрополитъ высказалъ и съ своей стороны отеческія благожеланія.

На другой день обычнымъ порядкомъ началось ученіе, мы какъ старшіе въ школьной семьѣ избрали по своему же-

---

[1]) Евфимій Ботвиновскій, умершій въ званіи священника кіево-троицкой лыбедской церкви.

ланію классъ обращенный на Востокъ къ церкви, во все время какъ на игру или какъ на праздникъ какой либо веселый мы собирались ежедневно для своихъ занятій, такъ что незамѣтно наступило и время третнаго нашего испытанія. Предсѣдателемъ на ономъ былъ преосвященный Иннокентій бывшій викарій тогда кіевскій. Послѣ испытанія по закону Божію и двумъ древнимъ языкамъ началось испытаніе по географіи. Испытуемый отвѣчалъ бойко о большихъ кругахъ и затѣмъ въ особенности объ эклиптикѣ. Любознательный архипастырь неограничивался только слушаніемъ отвѣта по учебнику, ему хотѣлось узнать и самое мышленіе вызваннаго. Довольно, прервалъ онъ, побесѣдуемъ съ тобою братецъ безъ книги. Затѣмъ предложилъ вопросъ: если ли на самомъ дѣлѣ эклиптика? Вызванный отвѣчалъ: если предположить, что солнце совершаетъ по извѣстному кругу свое теченіе, то надобно предположить и самый кругъ. А какой видъ этого круга? Извивистый сказалъ питомецъ,—въ родѣ змѣйки. Спросивъ по списку еще нѣсколько учениковъ и преподавъ назиданіе какъ наставнику, такъ и учащимся, преосвященный тремъ изъ перваго пятка далъ большую просфору, этимъ и закончилась душевная пріятная наша тревога. Что еще осталось памятнымъ изъ лучшихъ мѣсяцевъ нашей школьной жизни?

Памятнымъ надолго останутся два обстоятельства: полукурсовое испытаніе, и искренно отеческое обращеніе съ нами незабвеннаго нашего начальника, а въ послѣдствіи времени и наставника іеромонаха Антонія. Публичное полукурсовое испытаніе бывшее 5 іюля 1840 года доставило питомцамъ особенное удовольствіе. Для отвѣтовъ удовлетворительныхъ и бойкихъ приготовлены были отборныя статьи, а въ довершеніе ощущаемой радости воспитанникъ стар-

шаго класса отъ лица своихъ товарищей произнесъ слѣдующую рѣчь.

«Высокопреосвященнѣйшій владыко милостивѣйшій нашъ отецъ! Въ вертоградѣ твоею рукою насажденномъ, ты благоволилъ нынѣ собирать плоды. Дерзаемъ вопрошать тебя отецъ нашъ каковы эти плоды? Быть можетъ ты нашелъ ихъ не зрѣлыми и безвкусными. Быть можетъ твои ожиданія также неудовлетворены нынѣ, какъ неудовлетворены были ожиданія великаго вертоградаря искавшаго на смоковницѣ плодовъ и необрѣтшаго. Не поскорби о нашемъ неплодіи. Та смоковница была вовсе безплодна, а мы принесемъ нѣкогда плоды достойные твоихъ о насъ святительскихъ попеченій. Почему же не теперь? Потому отвѣчаемъ со смиреніемъ, что мы на настоящемъ новомъ мѣстѣ тоже что растенія недавно насажденныя, плоды коихъ въ первое лѣто бываютъ и не зрѣлыми и безвкусными. Съ сыновнею преданностію ввѣряя себя твоей отеческой любви и благоснисхожденію, просимъ дражайшій архипастырь нашъ милостію и благостію своею немощная наша уврачуй и оскудѣвающая восполни».

Выслушавши милостиво произнесенную рѣчь, почившій святитель сказалъ: дѣти, я съ особеннымъ удовольствіемъ забочусь о васъ, лучшія мои надежды на васъ почиваютъ; успѣли хорошо, и плоды на первый годъ, и зрѣлые, и вкусные.

На нѣкоторое впрочемъ время и намъ не чужда была грусть и легкое печали бремя состояло въ томъ, что въ двухгодичный періодъ нашего обученія въ софійскомъ училищѣ смѣнялись одинъ за другимъ начальствующія личности [1]). Почему какъ бы

[1]) Іеромонахъ Онуфрій Флоровъ умеръ января 16 1840 г. Іеромонахъ Мелитонъ Переверзовъ за болѣзнію поступилъ въ кіево-печерскую лавру. Іеромонахъ Дормидонтъ исполнялъ должность смотр. училища.

въ подкрѣпленіе мысли архипастыря что о насъ прилагаются особенныя его заботы на остальныя двѣ трети учебнаго года опредѣленъ былъ начальникомъ училища родной племянникъ почившаго владыки,—баккалавръ академіи іеромонахъ Антоній. Онъ, то вразумлялъ и наставлялъ насъ примѣромъ своей жизни, и изъяснялъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ церковную обрядность; то возбуждалъ охоту и соревнованіе къ наукамъ прочетомъ ежемѣсячныхъ нашихъ успѣховъ и прилежанія.

Послѣднимъ самимъ сильнымъ впѣчатлѣніемъ на юныя сердца наши было то, что по прочтеніи разрядныхъ списковъ, 1841 г. въ іюлѣ м. тотъ же незабвенный начальникъ нашъ сдѣлавъ приличное наставленіе и благословивъ каждаго изъ насъ порознь,—сказалъ: гдѣ бы я ни былъ вездѣ любовью обильное мое сердце не тѣсно вмѣститъ каждаго изъ васъ, тѣмъ болѣе что я во все время будущаго вашего воспитанія не разлученъ буду съ вами по мѣсту своего служенія [3]). Сказать надобно правду, краткія, но съ тѣмъ вмѣстѣ глубоко прочувственныя слова сіи сладкою струею вливались въ наши души, и можно было надѣяться, что тогдаже посѣевались благодатныя сѣмена на мягкой нивѣ юныхъ сердецъ нашихъ. Давно прошло это золотое время, но въ душѣ осталось самое пріятное воспоминаніе. Октября 29-го 1839 г. и слѣдующихъ за нимъ 40 и 41 г. никогда незабыть.

Кіево-софійское училище воспитало многихъ полезныхъ членовъ церкви и отечества на различныхъ поприщахъ служебной жизни. Одни многолѣтнимъ трудомъ достаточно зая-

---

[3]) Эти слова означали, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ будетъ опредѣленъ начальникомъ средняго учебнаго заведенія. Сентября 1841 г. ректоръ Антоній былъ назначенъ инспекторомъ кіеской семинаріи.

вили пастырскую дѣятельность; другіе стяжали опытность въ обученіи юношества. Одни начальствующіе въ бѣломъ или монашествующемъ духовенствѣ; другіе съ пользою проходятъ гражданскую или военную службу. Изъ начальствующихъ этого училища кромѣ іеромонаховъ, протоіереевъ и священниковъ [1]) нельзя не вспомнить съ особенною признательностію тѣхъ трехъ, которые теперь будучи архипастырями сіяютъ на свѣщникѣ церкви Россійской какъ благосвѣтлыя свѣтила. Это высокопреосвященный Антоній казанскій; почившій архіепископъ Нектарій харьковскій, и преосвященный Ѳеофанъ бывшій владимірскій. Всѣ они обильно насаждали сѣмена ученія и благоуспѣшно управляли этимъ разсадникомъ. Училищная лѣтопись давно уже вписала имена этихъ достославныхъ мужей на память отдаленному потомству.

Воспитанникъ кіево софійскаго училища 1-го курса
С. Г. Ростовецкій.

Прощальный обѣдъ въ честь ректора духовной академіи, епископа Филарета, и Порфирія, епископа чигиринскаго, викарія кіевскаго.

Ректоръ духовной академіи, епископъ Филаретъ, по своимъ личнымъ качествамъ и дарованіямъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ личностей, которыя умѣютъ заставить любить себя и уважать, а разставаясь съ ними,

---

[1]) Начальствующіе софійскаго училища въ порядкѣ времени слѣдовали такъ: іеромонахи: Онуфрій; Мелитонъ; Дормидонтъ; Макарій, протоіерей Дубницкій, священникъ Петръ Ботвиновскій священникъ о. Николай Оглоблинъ и іеромонахъ Наркиссъ.

сожалѣть о нихъ и долго помнить. За длинный періодъ своего управленія мѣстною академіяю, онъ успѣлъ многое сдѣлать для послѣдней во внутреннемъ и внѣшнемъ отношеніяхъ. Въ послѣднее же время онъ много содѣйствовалъ устройству при академіи церковно-археологическаго музея, который имѣетъ значеніе далеко не для одной только академіи. Было уже указано въ свое время на пріобрѣтеніе богатой коллекціи древнихъ иконъ разнаго времени, принадлежавшихъ доселѣ купцу Сорокину. Это собраніе, стоившее 10,000 руб., пріобрѣтено было исключительно благодаря ректору академіи, частію на его собственныя средства, частію на средства особы, ему знакомой, которую онъ расположилъ къ капитальному пожертвованію на это доброе дѣло. Сознаніе его полезной дѣятельности для академіи, вмѣстѣ съ тѣсными связями, установившимися за время его управленія ею, вызывало невольную признательность со стороны членовъ академической корпораціи и сожалѣніе объ удаленіи изъ среды академической.

Въ виду предстоящаго близкаго его отъѣзда изъ Кіева, члены академіи воспользовались старымъ русскимъ обычаемъ—провожать отъѣзжающаго хлѣбомъ и солью и предложили въ честь его прощальный обѣдъ. Въ этомъ обѣдѣ изъявили желаніе принять участіе и нѣкоторые изъ членовъ мѣстной духовной семинаріи и изъ членовъ духовенства, къ которому епископъ Филаретъ стоялъ въ непосредственномъ отношеніи, по званію втораго викарія кіевскаго. Такъ какъ въ близкомъ будущемъ предстоитъ отъѣздъ изъ Кіева и епископа чигиринскаго Порфирія, то всѣ три корпораціи вмѣстѣ изъявили желаніе сдѣлать прощальное торжество общимъ.

Обѣдъ происходилъ 23 января, въ залѣ духовной семинаріи. Изъ членовъ мѣстнаго духовенства присутствовали всѣ его лучшіе представители. Обѣдъ начался въ 2 часа. Характеръ его началъ естественно выясняться къ концу, когда пришло время тостовъ и рѣчей. Первый тостъ былъ провозглашенъ распорядителемъ обѣда, каѳедральнымъ протоіереемъ П. Г. Лебединцевымъ, за здоровье Его Величества Государя Императора и христолюбиваго воинства. Тостъ былъ встрѣченъ сердечнымъ ура! Второй тостъ былъ провозглашенъ за виновниковъ настоящаго торжества, епископовъ Порфирія и Филарета; за нимъ слѣдовали рѣчи. Первая изъ нихъ, обращенная собственно къ епископу Порфирію, была произнесена тѣмъ же протоіереемъ П. Г. Лебединцевымъ, въ которой онъ указалъ на добрую заботливость преосвященнаго о благѣ ввѣренной его попеченію паствы. Вслѣдъ за нимъ говорилъ ректоръ академіи Филаретъ, при чемъ выразилъ должную признательность и благодарность за искреннее участіе, съ которымъ преосвященный Порфирій не переставалъ относиться къ академіи и ко всѣмъ явленіямъ ея внутренней жизни, охотно дѣлился съ нею всѣми сокровищами своей опытности и знанія, снабжалъ ее, въ нужныхъ случахъ, рукописями и книгами изъ своего богатаго собранія и библіотеки; наконецъ выразилъ надежду увидѣть научно обработанннымъ то, что тщательно и въ большемъ объемѣ было собрано доселѣ въ интересахъ науки. Преосвященный Филаретъ благодарилъ за себя лично, за дружественныя отношенія къ себѣ, и въ то время, когда они были на неравномъ положеніи, и послѣ, когда ихъ положеніе уравнялось. Преосвященный Порфирій теплою рѣчью отвѣтилъ на это признательное слово представителя духовной науки. Онъ сказалъ именно, что всегда глубоко былъ

преданъ академіи, высоко цѣнилъ ея расположеніе къ себѣ, любилъ и уважалъ то направленіе, которому она слѣдовала и слѣдуетъ; онъ никогда не порветъ съ ней своей связи и охотно берется за продолженіе своихъ научныхъ трудовъ, въ виду признанія ихъ значенія со стороны академіи, которую искренно всегда почиталъ. Далѣе слѣдовала рѣчь декана богословскаго факультета, ординарнаго профессора Д. В. Поспѣхова, обращенная непосредственно къ преосвященному Филарету. Рѣчь была коротка, но выразительна. Въ началѣ было высказано, что настоящая рѣчь не есть обычное слово по оффиціальному случаю, но искреннее выраженіе дѣйствительной признательности и благодарности, одушевляющихъ всѣхъ членовъ академической корпораціи, по порученію которой ораторъ говорилъ. За тѣмъ было указано на заслуги преосвященнаго для академіи, въ качествѣ ея представителя, на то, что онъ вступилъ въ управленіе ею въ пору внутренняго ея броженія, и вотъ, только благодаря его опытности и благоразумной распорядительности, она получила то направленіе, которымъ по справедливости можетъ гордиться Какъ опытный правитель, онъ во время умѣлъ предупредить всѣ недоразумѣнія, которыя естественно могутъ возникать по разнымъ дѣламъ управленія, и умѣлъ сплотить въ одно цѣлое академическую корпорацію За тѣмъ было сказано о его заслугахъ, какъ основателя археологическаго музея при академіи, котораго онъ былъ предсѣдателемъ, о томъ, что заботясь о развитіи его, онъ дѣлалъ пожертвованія, превышающія его средства. За все это академія навсегда останется къ нему признательною и его имя сохранитъ въ числѣ именъ лучшихъ своихъ правителей и представителей. Въ заключеніе была выражена увѣренность, что съ отъѣздомъ изъ Кіева не прекратятся тѣ живыя от-

ношенія, которыя установились временемъ между нимъ и членами академической корпораціи. Тронутый этимъ выраженіемъ искренней признательности къ себѣ, преосвященный Филдретъ отвѣчалъ: «Изъ снисхожденія ко мнѣ вы выразили благодарность и признательность за мою дѣятельность на пользу академіи. Не могу я признать этой пользы за своей дѣятельностью. Одно скажу, что я всей душою былъ преданъ академіи. Многіе считаютъ за особенную честь прослужить въ ней хотя бы одинъ годъ въ качествѣ баккалавра, а я служилъ въ ней не годъ, не пять, а цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Съ ней связаны всѣ лучшіе годы и воспоминанія моей жизни. Въ ней я получилъ свое послѣднее образованіе, въ ней потомъ былъ профессоромъ и наконецъ ректоромъ. Все это время было постоянною и лучшею школою моей жизни. Не одинъ я руководилъ и училъ академію, но и академія руководила и учила меня. Всѣмъ хорошимъ, чѣмъ я владѣю теперь, и въ отношеніи своего научнаго развитія и знанія, и въ отношеніи нравственнаго направленія своей дѣятельности, всѣмъ этимъ я обязанъ исключительно академіи. Вы, господа, учили меня всесторонне, сами не сознавая того. Въ васъ я нашелъ и добрыхъ совѣтниковъ и преданныхъ друзей. Могу безъ преувеличенія сказать, что мнѣ пришлось прослужить съ людьми необычнаго уровня дарованія и развитія. Я много хотѣлъ сдѣлать, но сдѣлалъ мало. Въ особенности въ послѣднее время, заботы по надзору за училищами, требовавшими вниманія, и заботы по епархіальнымъ дѣламъ раздвоили мою дѣятельность и отняли у меня много времени, которое я хотѣлъ-бы посвятить исключительно академіи. Несдѣланное мною восполнитъ мой преемникъ, лично мнѣ извѣстный съ наилучшей стороны. Излишне говорить, что я никогда не прерву

дорогихъ для меня отношеній къ академіи, гдѣ бы я не былъ: въ Ригѣ, Самарѣ или другомъ какомъ либо мѣстѣ.» Рѣчь эта вызвала новую благодарность со стороны членовъ академіи и пожеланіе благополучія преосвященному на мѣстѣ новаго служенія. Больше рѣчей со стороны корпораціи академической не было, по личному желанію и усиленной просьбѣ преосвященнаго Филарета; но за то онѣ не прекращались со стороны другихъ. Еще разъ говорилъ протоіерей П. Г. Лебединцевъ, при чемъ указалъ на дѣятельность преосвященнаго въ качествѣ епископа уманскаго, викарія кіевскаго. Послѣдній скромно отвѣтилъ, что, неопытный въ дѣлѣ епархіальнаго управленія, онъ здѣсь былъ скорѣе ученикомъ и искренно благодаренъ тѣмъ, которые содѣйствовали ему въ этомъ случаѣ своимъ совѣтомъ и руководствомъ, причемъ указано было на протоіереевъ П. Г. Лебединцева и Н. А. Ѳаворова. Затѣмъ говорилъ ректоръ мѣстной семинаріи, архимандритъ Виталій, который указалъ на полезную дѣятельность преосвященнаго Филарета въ качествѣ ректора кіевской семинаріи. Въ отвѣтъ на эту рѣчь, послѣдній сказалъ, что скромна была здѣсь его дѣятельность; но что онъ не можетъ умолчать объ одномъ своемъ дѣлѣ, именно устройствѣ при семинаріи храма, который онъ находилъ необходимымъ для правильнаго развитія воспитывающагося юношества, и просилъ воспоминать его имя при молитвѣ о создателяхъ и благотворителяхъ храма. Говорилъ еще разъ протоіерей П. Г. Лебединцевъ, отмѣтивъ важный въ исторіи дѣятетьности мѣстной семинаріи фактъ—основаніе при ней журнала «Руководство для сельскихъ пастырей», несомнѣнно полезнаго, въ учрежденіи и правильной постановкѣ котораго принималъ дѣятельное участіе преосвященный ректоръ. Наконецъ говорилъ графъ Толстой. Онъ указалъ на

то, что преосвященному ректору принадлежитъ честь успѣшнаго осуществленія на дѣлѣ началъ, положенныхъ въ основаніе недавней реформы духовныхъ академій,—равнымъ образомъ честь того высокаго положенія, которымъ пользуется мѣстная академія въ ряду другихъ академій и въ глазахъ общества. Коснулся еще разъ значенія церковно-археологическаго музея при академіи, единственнаго не только въ нашемъ отечествѣ, но и за границей. Въ свою очередь преосвященный Филаретъ искренно благодарилъ графа Толстого за участіе въ судьбахъ музея, обогащеніе его различными рисунками своей работы и трудами разныхъ ученыхъ обществъ. Послѣднее прощаніе было полно взаимныхъ благожеланіи, благодарности и выраженія надежды на продолженіе настоящихъ сердечныхъ отношеній.

Преосвященный Филаретъ пользовался расположеніемъ не одной только академической корпораціи, но имѣлъ многочисленныхъ почитателей и въ мѣстномъ городскомъ населеніи, а потому смѣемъ выразить увѣренность, что отъѣздъ его изъ Кіева вызоветъ многочисленныя сожалѣнія и со стороны послѣднихъ.

(Кіевлянинъ № 11).

---

1) Романы, повѣсти, разсказы, очерки и біографіи.

2) Драмы и драматическія сцены.

3) Поэмы, сказки и мелкія стихотворенія.

4) Иллюстрированныя путешествія.

5) Этнографическіе очерки.

6) Статьи научнаго содержанія.

7) Новости изъ области наукъ и искуствъ.

8) Телеграммы

9) Смѣсь.

10) Шахматный листокъ.

11) Моды.

Гг. подписчики кромѣ 52 нумеровъ «Живописнаго Обозрѣнія» получаютъ ежемѣсячное, безплатное иллюстрированное приложеніе «Жизнь и хозяйство», составляющее большой отдѣльный томъ, заключающій въ себѣ статьи по отдѣламъ: 1) Гигіены человѣка и животныхъ, 2) Сельскаго хозяйства, 3) Домоводства, 4) Садоводства, 5) Огородничества, 6) Лѣсоводства, 7) Пчеловодства, 8) Рыбоводства, 9) Овцеводства, 10) Птицеводства и 11) Разнообразныя практическія свѣдѣнія, кухонные рецепты и наставленія о первоначальной помощи заболѣвающимъ.

Кромѣ того гг. подписчики на 1878 г. получатъ безплантыя преміи, состоящія изъ лучшихъ, вполнѣ заключенныхъ, беллетристическихъ произведеній русскихъ и иностранныхъ авторовъ съ отдѣльными иллюстраціями на веленевой бумагѣ.

Кромѣ означенныхъ премій, редакція имѣетъ въ виду разослать въ видѣ преміи картину «Взятіе Константинополя».

Въ журналѣ «Живописное Обозрѣніе» на 1878 годъ примутъ дѣятельное участіе своими трудами слѣдующія лица: П. В. Быковъ, С. И. Воскресенская, А. Егоровъ, И. Н.

Захарьинъ (Якунинъ), С. М. Крапивина, Н. Н. Каразинъ, Н. Б. Куроѣдовъ, Л. Леванда, А. Майковъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. В. Омулевскій, П. И. Пашино, В. Славянскій, К. М. Станюковичъ, Н. П. Стремоуховъ, Н. А. Чмыревъ, В. В. Чуйко, С. С. Шашковъ. А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ), Н. В. Шелгуновъ Н. И. Шульгинъ, г-жа Юрьева и другіе.

Редакція «Живописнаго Обозрѣнія» имѣетъ въ своемъ распоряженіи для печатанія въ теченіи будущаго года романъ Э. Гонкура, разсказы А. Додэ и Э. Золя и статьи Вирхова, Геккеля, Гольцендорфа, Карла Фогта и др.

Сверхъ того предполагается печатать въ теченіи года иллюстрированныя сказки Боккачіо (Декамеронъ), въ переводѣ Н. И. Шульгина, «Похвальное слово глупости» Эразма, въ переводѣ А. К. Шиллера (А. Михайлова) и, если позволитъ мѣсто, «Комическій романъ» Скарова.

Въ художественномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться гравюры различныхъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, отъ 4 до 8 гравюръ въ каждомъ нумерѣ.

Исполняя желаніе многихъ изъ нашихъ подписчиковъ, редакція «Живописнаго Обозрѣнія» испросила разрѣшеніе на помѣщеніе въ своемъ журналѣ картинокъ «Модъ» съ пояснительнымъ текстомъ. Редакція постарается придать этому новому отдѣлу чисто-практическій характеръ, сообщая своимъ читательницамъ не только фасоны нарядовъ, но и стоимость необходимаго для этихъ нарядовъ матеріала и работы.

	На годъ.	На полгода.
Цѣна безъ доставки и пересылки	6 р	3 р. 50 к.
съ доставкою и пересылкою	7 р.	4 р.

Подписка на 1878 г. открыта и принимается въ конторѣ редакціи въ С.-Петербургѣ. Троицкій пер. д. № 27.

Захарьевская д № 7. Туда-же и на тоже имя просятъ адресовать: письма корреспонденціи, рукописи всякаго рода, рисунки, гравюры и все проч.

Редакція отвѣчаетъ только за то, что будетъ послано по вышеозначенному адресу.

ОБЪ ИЗДАНІИ

СОВРЕМЕННЫХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1878 году

Въ будущемъ году *Современныя Извѣстія* выйдутъ, какъ обыкновенно, въ количествѣ 360 №№, ежедневными выпусками (не исключая дней слѣдующихъ за воскресными и праздничными).

Программа прежняя: ежедневныя телеграммы, политическія и торговыя, руководящія статьи по важнѣйшимъ изъ текущихъ вопросовъ политическихъ и общественныхъ (не исключая церковныхъ, учебныхъ и художественныхъ; извѣстія о происходящемъ внутри и за границей, по возможности полныя; корреспонденціи изъ внутреннихъ городовъ и тѣхъ мѣстъ за границей, куда событія направляютъ особенное вниманіе общества.

Съ направленіемъ *Современныхъ Извѣстій* минувшія десять лѣтъ достаточно ознакомили читателей; не безъ утѣшенія видимъ, что великими событіями, совершающимися и предстоящими, выдвинуты на первенствующее мѣсто политическіе взгляды, распространенію которыхъ мы служили болѣе всего.

Цѣна изданія:

На города: на 12 мѣс. 10 р., 11 м. 9 р. 25 к., 10 м. 8 р. 50 к., 9 м. 7 р. 75 к. 8 м. 7 р., 7 м. 6 р. 25 к., 6 м. 5 р. 50 к., 5 м. 4 р. 60 к., 4 м. 3 р. 70 к., 3 м. 2 р. 80 к., 2 м 1 р. 90 к., 1 мѣсяцъ 1 руб.

Въ удовлетвореніе желаній, неоднократно заявленныхъ отъ иногородныхъ подписчиковъ, редакція *Современныхъ Извѣстій*, при главной своей конторѣ, учредила *Книжное Агентство*, со спеціальною цѣлью—удовлетворять иногородныя требованія по выпискѣ книгъ и періодическихъ изданій. Подписка принимается Книжнымъ Агентствомъ на всѣ выходящіе въ Россіи журналы и газеты. Книги, о выходѣ которыхъ въ свѣтъ публиковано или которыя значатся въ каталогахъ, будутъ, по требованію, высылаемы съ первою почтою. Требованія адресовать въ *Книжное Агентство* при *Современныхъ Извѣстіяхъ* въ Москвѣ.

Издатель-редакторъ *Н. Гиляровъ-Платоновъ*.

Печатать дозволяется. 3-го Февраля 1878 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.

Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомірская улица, домъ № 83.